

R ESTICA

2
12759

A 2582

Юрьевский университет и
Балты.

[Московскія Вѣдомости за 1897 годъ,
№№ 165 и 166, 18 и 19 и 97.]

Москва.

Редакторъ-издатель В. Фришманъ.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1897.

В. Фришманъ въ разореніи редактора етатскаго
А. Бурлакина: Юрьевскій университетъ.
Искренне документальныя свѣдѣнія. . . .
Писан. 1897.

3903

143742646

ЮРЬЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И БАЛТЫ.

Ни одно изъ преобразованій въ Балтійскомъ краѣ не встрѣчало со стороны балтійскихъ сепаратистовъ столь упорнаго и озлобленнаго противодѣйствія какъ преобразование школьнаго дѣла.

Въ краѣ отлично понимали какое сильное орудіе въ борьбѣ съ русскимъ вліяніемъ вынимается изъ рукъ балтійскихъ дѣльцовъ, которые до сихъ поръ тщательно устранили надзоръ правительства за воспитаніемъ подрастающаго поколѣнія и могли вести его въ такомъ духѣ что воспитанники балтійскихъ школъ, по выходѣ на общественную дѣятельность, чувствовали себя Германцами, Пруссаками и т. д., но никакъ не русскими подданными.

Такое направленіе воспитательнаго дѣла должно было измѣниться, какъ скоро правительственному надзору была предоставлена принадлежащая ему по закону власть не только направлять дѣло воспитанія, но и слѣдить шагъ за шагомъ за исполненіемъ этой задачи. Государство не могло допустить чтобы въ его школахъ, на его средства и подъ его глазами, воспитывались будущіе граждане, въ которыхъ систематически развивались неуваженіе къ закону, презрѣніе къ народу, къ его языку и религіи, которые съ малыхъ лѣтъ пріучались смотрѣть на Русское правительство какъ на власть временную, случайную, привыкали отдѣлять Монарха отъ его правительства и народа и видѣли настоящее отечество свое въ Германіи.

Съ переходомъ школъ въ непосредственное завѣдываніе Министерства, эти порядки должны были измѣниться навсегда, и вотъ почему съ такимъ озлобленіемъ было встрѣчено

преобразование учебнаго дѣла. Мѣстные дѣльцы пытались, какъ извѣстно, затормозить реформу прекращеніемъ отпуска суммъ, закрытіемъ своихъ гимназій въ Феллинъ, Биркенру, Гольдингенъ, Ревелъ, отправленіемъ своихъ дѣтей въ церковныя гимназіи въ Петербургъ и Москву, гдѣ преподаваніе до сихъ поръ ведется на нѣмецкомъ языкѣ, и учрежденіемъ, въ обходъ закона, „домашнихъ школъ“. Все это, однако, не помогало, главная масса населенія не желала сдѣловать за коноводами, и дѣло школьнаго преобразования хотя медленно, но за то безвозвратно подвигалось впередъ, и даже часть балтійскихъ сепаратистовъ по-немногу начала примиряться съ фактами которыхъ она измѣнить была не въ силахъ.

Не могли они примириться только съ преобразованиемъ Юрьевского, прежняго Дерптскаго, университета.

Они надѣялись что если университетъ сохранить свой прежній характеръ, то имъ удастся скоро „вытравить“ все то что вложено въ подрастающее поколѣніе „русскою“ гимназій, и что изъ университета будутъ выходить попрежнему такіе же испытанные бойцы за балтійскія привилегіи и обособленность края какъ раньше. Для этого требовалось только одно, а именно чтобъ они могли распоряжаться университетомъ по-прежнему самостоятельно, чтобы въ немъ могли дѣйствовать Ширрены, Люткены, Эттингены, чтобы попечители, подобно графу Кейзерлингу, фонтъ Брадке, Сабурову, предоставляли Балтамъ полную свободу и ограждали университетъ отъ вторженія въ него „русскаго“ духа.

Когда оказалось что правительство не намѣрено остановиться на полдорогѣ и рѣшило провести преобразование университета такъ же энергично какъ и средне-учебную реформу, когда Балты увидѣли что изъ ихъ рукъ готовъ вывалиться и послѣдній

якорь спасенія, тогда началась въ печати и въ обществѣ самая ожесточенная антирусская кампанія. Не было лжи и инсинуаціи, которыхъ Балты не считали бы достойными пустить въ оборотъ, не было обвиненія котораго не признавали годнымъ для поставленной себѣ цѣли, для того чтобы затормозить дѣло преобразования. Тутъ были и ссылки на привилегіи университета, которому де было предназначено русскими монархами быть „нѣмецкимъ“ университетомъ, и указанія на то что назначаемые профессора нигде не годны, на то что университетъ „упалъ“, что его бывшая слава уничтожена, что его нынѣ всѣ избѣгаютъ, какъ доказываетъ это уменьшившееся число студентовъ и т. д.

Эти обвиненія были столь несправедливы и голословны что профессора университета, но *исключительно* иностранцы, считали своею нравственною обязанностью опровергать эти лживыя заявленія въ иностранной печати.

Пока обвиненія являлись анонимными, противъ нихъ не стоило бороться, такъ какъ, конечно, невозможно было бы убѣдить общество въ ихъ несправедливости. Это сдѣлалось возможнымъ только тогда когда бывший ректоръ Дерптскаго университета, Георгъ фонъ-Эттингенъ, за своею подписью, формулировалъ этотъ рядъ обвиненій и помѣстилъ ихъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ.

Георгъ фонъ-Эттингенъ, бывший ректоръ университета, профессоръ офталмологіи и вождь балтійской партіи, восхваляя порядки въ прежнемъ Дерптскомъ университетѣ, упустилъ изъ вида только то что нынѣ не прежнія времена, когда можно было припрятывать различныя документы, которые опровергали его положенія. Въ архивахъ университета сохраняются офціальныя документы которыми опровергаются почти всѣ обвиненія гг. Эттингеновъ.

Нынешний ректор Юрьевского университета, профессор Будиловичъ, не имѣвшій права оставить безъ возраженія обвиненія г. Эттингена, заставилъ вмѣсто себя говорить эти документы, и этотъ диалогъ между бывшимъ и нынешнимъ ректорами университета вышелъ чрезвычайно интереснымъ. Если онъ не убѣдитъ тѣхъ лицъ которыя привыкли жить ложью и въ ней видѣть спасеніе, то покажетъ всѣмъ требующимъ истины какими недостойными средствами ведется борьба со стороны тѣхъ которые изъ порученнаго имъ университета сдѣлали не храмъ науки, а подготовительную школу для воспитанія борцовъ за враждебную Россіи балтійскую оболоченность.

Свой отвѣтъ * г. Эттингену г. Будиловичъ начинаетъ съ опроверженія мнѣнія повторяемаго за г. Эттингеномъ разными балтійскими дѣльцами до г. Гассельблата и Кюгельгена включительно. Всѣ они признаютъ за аксіому что главная задача Юрьевского университета состоитъ въ томъ чтобы „служить посредникомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей и знаній между Россіей и западною Европой“ и это „историческое значеніе“ университета требовало сохраненія въ немъ „дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ“ и выписки заморскихъ профессоровъ изъ „ученаго состава германскихъ университетовъ“.

Цѣлымъ рядомъ ссылокъ на Высочайшія повелѣнія г. Будиловичъ показываетъ всю лживость такого пониманія „главной задачи“ университета. Правительство постоянно требовало введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство университета, но безуспѣшно. 8 мая 1812 года министръ Народнаго Просвѣщенія

* А. Будиловичъ. *Юрьевскій университетъ*. Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию „Отвѣта бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевского университета“. Рига. 1897.

Разумовскій предписываетъ писать ему въ представленіяхъ правильно по-русски. 8 ноября 1824 года Высочайше повелѣно усилить въ университетѣ знанія въ русскомъ языкѣ; 31 мая 1827 года студентамъ богословамъ предписывается сдавать экзаменъ по русскому языку; въ 1829 возведеніе въ степень обуславливается экзаменомъ по русскому языку; 16 декабря 1836 года Высочайше повелѣно не выдавать дипломовъ студентамъ не владѣющимъ русскимъ языкомъ, а съ 1841 безъ знанія русскаго языка воспрещено принимать въ студенты; въ 1842 году предписано на русскомъ языкѣ читать лекціи по исторіи русскаго права; въ 1844 тоже по нѣкоторымъ отдѣламъ государственнаго врачевовѣдѣнія; 31 октября 1869 года Высочайше повелѣно примѣнить къ учебнымъ заведеніямъ указъ 1 іюня 1867 года о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ и подтвержденъ указъ 16 декабря 1836 года (оставшіяся въ свое время неопубликованными) о назначеніи въ начальники балтійскихъ учебныхъ заведеній только лицъ основательно знающихъ русскій языкъ.

Всѣ эти распоряженія игнорировались, а по поводу послѣдняго Высочайшаго повелѣнія въ совѣтъ университета возникли пренія (въ 1869—1870 годахъ) относительно примѣненія его къ университету, причемъ выяснилось что совѣтъ расходится, во взглядахъ на роль нѣмецкаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ, со многими Высочайшими повелѣніями.

Г. Эттингенъ оправдываетъ дѣйствіе совѣта университета соображеніями „государственной пользы“. Но кто же, справедливо спрашиваетъ г. Будиловичъ, компетентнѣе въ опредѣленіи этой пользы — нѣмецкіе юрьевскіе профессора или Русскіе Государя, создавшіе университетъ, опредѣлившіе его задачи и снабжающіе его средствами?

какомъ его нашелъ совѣтъ, дѣйствительно не могло исполнять свою прямую задачу.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Все это могло происходить только потому что тѣ лица которымъ ввѣрено было наблюдение за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній сами не исполняли своихъ обязанностей. Когда получена была въ университетъ Высочайшая благодарность за поздравленіе съ 25лѣтнею годовщиной царствования императора Александра II, тогдашній попечитель А. А. Сабуровъ счелъ нужнымъ прочитать благодарность не на русскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ и при этомъ обратиться къ студентамъ съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ.

Еще плачевнѣе оказывается защита г. фонъ-Эттингеномъ стараго университета въ научномъ отношеніи. Указывая на массу воспитанниковъ университета достигшихъ профессуръ и высшихъ чиновъ и въ особенности на массу докторовъ медицины, Балты, а за ними, конечно, и г. фонъ-Эттингенъ, повторяютъ басню о томъ что постановка научнаго дѣла была въ Дерптѣ выше чѣмъ во всѣхъ русскихъ университетахъ, и что преобразование университета нанесло ему сильный ударъ.

Г. Будиловичъ не споритъ противъ этого и приводитъ только докладъ выработанный въ 1873 году особою комиссіей и подписанный тогдашнимъ ректоромъ Георгомъ фонъ-Эттингеномъ. Ходатайствуя объ отпускѣ средствъ, совѣтъ (который упорно отказывался отъ введенія штатовъ русскихъ университетовъ) пишетъ въ докладѣ слѣдующее о состояніи университета:

„Въ медицинскомъ факультетѣ уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обнаружилось что настоятъ самая безотлагательная потребность въ усиленіи личнаго состава опредѣленіемъ должностей ассистентовъ и въ увеличеніи скудныхъ средствъ по клиническимъ учрежденіямъ...

„Это особенно необходимо для кафедръ патологической анатоміи. Про-

фессоръ оной имѣеть обязанностью вмѣстѣ съ тѣмъ и читать общую паталогію, для которой въ прочихъ университетахъ существуетъ особая кафедра... Тотъ же самый недостатокъ чувствуется и по кафедрѣ фармакологіи... такъ какъ подлежащій профессоръ считается также представителемъ медицинской химіи, для которой изъ всѣхъ университетовъ Имперіи въ одномъ только Дерптскомъ университетѣ не имѣется особой кафедры...“

Далѣе комиссія, за подписью г. фонъ-Эттингена, ходатайствуетъ объ отпускѣ суммъ „на практическія занятія студентовъ медицины по химіи въ химической лабораторіи физико-математическаго факультета и въ фармацевтическомъ институтѣ, такъ какъ эти занятія въ настоящее время или становятся вовсе невозможными, или сопряжены съ затрудненіями.

„...Наконецъ, нужно указать на то что физическая географія и метеорологія не можетъ быть долѣе отнесена къ кафедрѣ физики.

„Не лучше на филологическомъ факультетѣ, гдѣ требуется учрежденіе третьей филологической кафедры, а именно для древней классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей...

„...Въ Дерптскомъ университетѣ для всеобщей исторіи состоитъ только одна кафедра, къ которой отнесены также историческія вспомогательныя науки...

„...Должно признать что отдѣльный ученый въ этомъ объемѣ не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ“...

Это ходатайство совѣта, которое является свидѣтельствомъ полной несостоятельности университета въ научномъ отношеніи и которое было подписано г. фонъ-Эттингеномъ, лучше всего опровергаетъ его позднѣйшія фразы о превосходномъ состояніи университета. Заведеніе, которое находится въ такомъ состояніи въ

[Моек. Вѣд. № 165. 18 VII 97.]

ЮРЬЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И БАЛТЫ.*

Отчеты профессоръ, напримѣръ, знаменитаго физиолога Александра Шмидта, для котораго наука была выше балтійскаго сепаратизма, еще болѣе ясно рисуютъ жалкое состояніе прежняго Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, университета. На это указывалъ также уходъ иностранныхъ профессоръ обратно на родину, хотя прежде они съ большою охотой подолгу оставались въ Дерптѣ.

Еще болѣе ясное понятіе объ этомъ состояніи даетъ отвѣтъ медицинскаго факультета, отъ 21 декабря 1891 года, на запросъ министра относительно примѣненія къ нему положенія объ испытаніяхъ въ государственной медицинской комиссіи. Указывая на то что юрьевскіе медицинскіе институты не обставлены столь удовлетворительно какъ въ прочихъ университетахъ, что въ клиникахъ нѣтъ достаточно больныхъ, что нѣтъ клиникъ по дѣтскимъ, наклоннымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ, что патолого-анатомическій и судебно-медицинскій институты страдаютъ отъ недостатка труповъ, что преподаваніе гигиены поставлено очень неудовлетворительно, факультетъ ходатайствовалъ, чтобы, впредь до устраненія этихъ недостатковъ, на медицинскихъ испытаніяхъ въ Дерптскомъ университетѣ имѣли перевѣсъ лишь *теоретическія* познанія!

Хороши же были врачи-практики,

* Окончаніе. См. Моск. Вѣд. № 165.

выходившіе изъ Дерптскаго университета!

Такимъ образомъ медицинскій факультетъ, который создалъ былую славу университета, самъ въ официальной бумагѣ заявлялъ что онъ не можетъ выпустить воспитанниковъ которые равнялись бы по знаніямъ и опытности съ воспитанниками русскихъ университетовъ! И послѣ того г. фонъ-Эттингенъ, самъ членъ факультета, рѣшается говорить о томъ что преобразование университета разстроило научную постановку дѣла! Оно дѣйствительно разстроило дѣло, но только не научное: преобразование изгнало политику, чтобы дать въ университетѣ мѣсто наукѣ.

Что не одинъ медицинскій факультетъ былъ разстроенъ доказывается тѣмъ что съ преобразованиемъ пришлось увеличить число кафедръ на всѣхъ факультетахъ. Такъ, на юридическомъ факультетѣ число кафедръ было почти удвоено, а именно учреждены кафедры по полицейскому праву, по международному праву, по церковному, финансовому и торговому праву, по энциклопедіи и философіи права и по исторіи русскаго права. Такое же увеличеніе числа кафедръ сдѣлалось необходимымъ и на другихъ факультетахъ.

Въ самомъ плачевномъ состояніи находились университетскіе институты, особенно по медицинскому и физико-математическому факультетамъ. Русскіе профессора должны были потратить много времени и труда прежде чѣмъ привели эти кабинеты въ такой порядокъ что въ нихъ могли быть начаты научныя работы. Вотъ что пишетъ первый русскій директоръ о состояніи астрономической обсерваторіи:

„Юрьевская астрономическая обсерваторія находится нынѣ въ такомъ состояніи при которомъ не только невозможна научная дѣятельность,

сколько-нибудь напоминающая деятельность В. Струве, но даже для преподавания практической астрономии нетъ тѣхъ пособій какія имѣются теперь на всякой другой русской университетской обсерваторіи... Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, причемъ оказалось что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія "... Начиная съ большого рефрактора, котораго „объ линзы объектива покрыты большими и несмываемыми пятнами, происшедшими, по объясненію Деллена, отъ небрежнаго обращенія съ инструментомъ за послѣднія 50 лѣтъ, всѣ инструменты оказались въ негодномъ состояніи, и даже мелкіе инструменты всѣ настолько устарѣли что почти вовсе не могутъ быть употребляемы.“

Г. фонъ-Эгтингенъ на это ничего не можетъ возразить и оправдываетъ такое состояніе способомъ который не заслуживаетъ названія серьезнаго и не достоинъ ученаго, а тѣмъ болѣе бывшаго начальника заведенія. Онъ доказываетъ что „астрономическая обсерваторія вообще не принадлежитъ къ необходимымъ учебнымъ пособиямъ университета, существуютъ университеты, напримѣръ Гейдельбергскій, безъ обсерваторіи“. Но, тѣмъ не менѣе, Дерптскій университетъ, при такой плохой постановкѣ, рѣшился выпускать астрономовъ и еще доказывать что они лучше выпущенныхъ изъ русскихъ университетовъ!

Въ такомъ же жалкомъ положеніи находится Ботаническій садъ. Принявшій его русскій профессоръ пишетъ что „въ пальмовой оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ тропическихъ растений“. „Погреба угрожаютъ обрушеніемъ“,

11.
ботаническій кабинетъ помѣщался въ одной комнатѣ, передѣланной изъ оранжереи, съ топкой подъ поломъ, съ одною стѣной съ которой времянами вода льетъ ручьями, безо всякаго освѣщенія.

Физиологическій кабинетъ оказался безъ самыхъ необходимыхъ инструментовъ, „не оказалось мѣха для искусственнаго дыханія, ни одной трахеальной капсулы для трахеотоміи, всего два взжимные пинцета для артерій. Очевидно что при подобныхъ условіяхъ невозможно было произвести ни одной вивисекціи“.

Даже фармацевтическій институтъ, во главѣ котораго долгіе годы стоялъ такой выдающійся ученый какъ профессоръ Драгендорфъ, оказался въ невозможномъ состояніи. Въ лабораторіи водопровода не было, и при изслѣдованіи пользовались загрязненною и вонючею водою изъ резервуаръ, не было порядочныхъ тѣлъ для обмѣна воздуха, такъ что нельзя было производить опыты со вредно дѣйствующими веществами, не было необходимыхъ книгъ, порядочнаго паяльнаго стола, удовлетворительной стеклянной посуды. Препараты оказались нигде негодными, коллекція вѣрныхъ маселъ давно утратила свои свойства и т. д.

Какъ можетъ, поэтому, г. Эгтингенъ возноситься прошедшею славой Дерптскаго университета и говорить о „неприглядномъ настоящемъ и мрачномъ будущемъ Юрьевскаго университета“, преобразование котораго еще не вполне закончено? Неприглядность онъ видитъ въ неудовлетворительномъ подборѣ новыхъ профессоровъ, въ убыли студентовъ, въ пониженіи ихъ научныхъ занятій и испытаній (это при увеличенномъ числѣ кафедръ!) и, наконецъ, въ ослабленіи студенческихъ корпорацій. Г. фонъ-Эгтингенъ, для подтвержденія своей мысли, прибѣгаетъ къ оперированію съ невѣрными цифрами. Онъ утверждаетъ что изъ новоназначенныхъ 35 профессоровъ только 6 были доктора соответственныхъ наукъ, 19 же были кандидатами и 10 магистрами. Это оказывается совсѣмъ невѣрно. Докторовъ было 9, магистровъ 20 и кандидатовъ 11. Г. фонъ-Эгтингенъ на-

ходить что, при выборѣ профессо-
ровъ совѣтомъ, а не правительствомъ,
подобнаго недочета въ ученыхъ сте-
пеняхъ не могло быть. Е-дакъ онъ
взялъ въ руки прежніе *Personalver-*
zeichnisse Юрьевскаго университета,
то онъ, конечно, не сказалъ бы этого;
онъ вспомнилъ бы о профессорахъ
Энгельманъ, Эрдманъ, Генъ, и дру-
гихъ. Онъ вспомнилъ бы, конечно, и
о „знаменитомъ“ докторѣ Брѣнеръ,
который въ его ректорство изъ ин-
спекторовъ Юрьевскаго уѣзднаго
училища былъ избранъ на постъ
профессора агрономіи, что заставило
извѣстнаго хирурга Бергмана вос-
кликнуть на совѣтъ: если Брѣнеръ
способенъ преподавать агрономію, то
я годенъ преподавать китайскій языкъ.

Другихъ обвиненій г. фонъ-Эттин-
гена излишне касаться. Какъ старый
корпорантъ, онъ, конечно, имѣетъ со-
всѣмъ особое мѣненіе о корпорацияхъ
въ которыхъ воспитывались будущіе
дѣятели Балтійскаго края. Умень-
шеніе числа студентовъ объясняется
очень просто тѣмъ что масса кончив-
шихъ курсъ въ гимназіяхъ округа,
послѣ агитаціи балтійской печати,
избѣгала преобразованный Юрьев-
скій университетъ и шла въ универ-
ситеты русскіе и за границу. Только
теперь печать поняла что этими со-
вѣтами она „рѣзала свое собственное
тѣло“, и въ настоящее время она
снова начала уговаривать молодежь
направляться въ Юрьевскій универ-
ситетъ.

Г. фонъ-Эттингенъ реформу нача-
тую по Высочайшему повелѣнію на-
зываетъ „насильственной“ и „разру-
шительной“. Но еслибы г. фонъ-Эт-
тингенъ вспомнилъ о Прусакахъ, какъ
они преобразовали Страсбургскій уни-
верситетъ, то онъ, конечно, съ благо-
дарностью долженъ былъ бы отнестись
къ мягкой реформѣ русскаго универ-
ситета. Въ Страсбургѣ французскій
языкъ и учебный персоналъ были
въ 1872 году сразу замѣнены нѣмец-
кими. Въ Юрьевѣ черезъ семь лѣтъ
отъ начала реформы цѣлая группа
преподавателей, а именно 8 на бо-
гословскомъ факультетѣ, 4 на меди-
цинскомъ, 4 на историко-филологи-

14

14

ческимъ и 3 на физико-математиче-
скомъ, то-есть одна треть ихъ числа
читаютъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ.

Профессоръ Будиловичъ оканчива-
етъ свой отвѣтъ г. Эттингену, кото-
рый, какъ извѣстно, не былъ утвер-
жденъ министромъ Ваугреннахъ дѣлъ
вдолжности городского головы города
Юрьева, указаніемъ на неумѣтность
употребленія по отношенію къ уни-
верситетской реформѣ выраженія:
„разрушительныя мѣры“.

„Такіе эпитеты примѣняются обык-
новенно къ дѣятельности противого-
сударственныхъ обществъ (напри-
мѣръ, нигилистовъ, террористовъ,
анархистовъ), а не правительствен-
ныхъ лицъ или учреждений, исполня-
ющихъ законныя распоряженія за-
конной власти. По существу же ре-
зультатъ „разрушительныхъ“ — для
нѣмечины, а не для Россіи и не для
науки — мѣропріятій Императора Але-
ксандра III и Его сотрудниковъ въ
дѣлѣ преобразования здѣшняго уни-
верситета достаточно выясненъ въ
предыдущемъ, почему я не стану бо-
лѣе на этомъ останавливаться.“

Можно пожелать г. фонъ-Эттингену
многіе годы, чтобъ онъ могъ быть
свидѣтелемъ какъ столь дорогой ему
Юрьевскій университетъ, съ полнымъ
преобразованиемъ, начатымъ по волѣ
незабвеннаго Императора Алексан-
дра III, выйдетъ изъ той запущен-
ности въ какую ввергли его Балты и
займетъ среди другихъ русскихъ уни-
верситетовъ выдающееся положеніе.

Моск. вѣд. 1971 г. № 166.